

А. С. ХОМЯКОВ

**Речь о причинах учреждения
Общества любителей словесности в Москве,**

читанная в публичном заседании
26 апреля 1859 года

М<илостивые> г<осудари>! Деятельность каждого человека или общества, кажется мне, всегда бывает тем живее и плодотворнее, чем менее самая область этой деятельности зависит от случайности и чем более, напротив, она связана с разумными законами исторического развития. В первый раз, когда я имел честь председательствовать в нашем публичном заседании, я старался показать, что не случайность, а самый ход нашего просвещения в прошедшее пятидесятилетие управлял судьбою Общества нашего; позвольте теперь заметить, что самое место, в котором составилось и ныне возобновилось оно, также указано было не случаем, а историческим законом. Как коренной москвич, я могу, конечно, легко увлечься естественным пристрастием, но постараюсь стать на высоту бесстрастного исторического понимания.

Недаром признавал уже Ломоносов, уроженец и житель не московский, что писанное и говоренное слово общественное в России есть слово не только русское, но собственно московское. То же самое говорил и Карамзин. То же самое еще недавно обратило на себя внимание одного из наших сочленов, Николая Васильевича Берга¹, во время его странствования по России, во время его пребывания в армии, во время кровавых дней Севастопольской борьбы. Где бы мы ни были, от границ старого Галича и Финляндии до островов Северо-Западной Америки, везде, где раздается слово русское как слово общественной мысли, общественного просвещения, мы находимся в области речи собственно московской. Быть может, на западе и юго-западе ей еще суж-

дено перейти теперешние пределы и сделаться живою мысленною связью для всех наших разрозненных братьев, славян. Но какое бы ни было ее будущее и как бы мы об нем ни гадали, во всяком случае, можно признать, что и теперешний удел ее уже довольно славен и велик. Не случайность назначила этот удел Москве и ее наречию.

История России, м<илостивые> г<осударя>, представляет три довольно резко отделенные периода. Первый есть период Киевской Руси. Тогда уже великая наша земля представляла сильные начала единства: единство веры и церковного управления и единство правящего рода. Род признавал главою своею старшего из своих членов, сидящего «во стольном городе, во Киеве»; ему подчинялись младшие, и в этом подчинении заключалось политическое единство. Русская земля была тогда союзным государством (ein Bundesstaat). Это время уделов. Но внутреннее единство земли еще не существовало, не проникало всего ее организма. Слабо было подчинение младших родичей старшему. Рыхла и почти несознана была связь между областями. Новгородец не отстаивал Киева от половцев. Киевлянин не проливал крови за Новгород, в битвах против финна и шведа (разумеется, я говорю о земстве, а не о кочевой княжеской дружине). Нужда в общей русской речи еще не могла быть сознаваема. Неполнота единства постоянно грозила перейти и наконец перешла в разъединение. Наша Русь из союзного государства обратилась в государственный союз (из Bundesstaat в Staatenbund). Удел сделался выделом, и удельная система продолжала существовать только внутри этих новых государств-выделов. Разумеется, тут не могло и быть стремления к общей речи. Наконец, законы внутреннего развития и уроки, данные игом внешним, приготовили начало нового полного единства. Выступила на историческое поприще Москва. Под свой стяг стянула она мало-помалу всю Великую Русь: в ней узнали свою силу наши предки, русские прежних веков. До Москвы Русь могла быть поработана, русский народ мог быть потоптан иноземцем. В Москве узнали мы волю Божию, что этой русской земли никому не сокрушить, этого русского народа никому не сломать. Слово московское сделалось общим русским словом.

Я говорю, м<илостивые> г<осударя>, что такое единство не было случайностью, не было чем-то наложенным извне; я говорю, что недаром ряд земских соборов обозначил эпоху московского единоподданства. Какая бы ни была форма, и как ни было часто или редко повторение соборов (ибо к формам и случайностям я равнодушен), я утверждаю, что Москва была признана, в

широком смысле слова, городом земского собора, т. е. городом земского сосредоточения. Таково свидетельство истории. Когда пресекался род Грозного, как бы в наказание за его кровавые казни; когда Промысл позволил России впасть в бездну почти беспримерных бедствий, как бы за то, что она могла произвести такого владыку, первым сознанием России было, что ей нужен царь. Но Москва взята... Зачем изменяется временно сознание народное; зачем земля, которая так глубоко чувствовала потребность в едином царе, не приступает к выбору? Зачем ополчения городов низовых и всех других, поднявшихся за свободу великой родины, зачем, говорю я, забывают они свою задачу? Зачем не созываются земцы в какую-нибудь свободную еще область? Ответ простой — Москва в руках врага: нет города для великого собора и выбор царя еще не возможен. К Москве, к ее освобождению, как к необходимому условию будущего единства, обращаются все силы русской земли; и только на ее освобожденном пепелище выбирают царя, для которого уже приготовлен город собора, город мысленного сосредоточения земли. Вот почему московское слово стало общерусским словом и почему Москва сделалась его всеми признанным центром.

Так в течение XVII века царили цари и державствовала Москва, одинаково избранные и признанные волею всей земли русской. С началом XVIII века наступила новая эпоха. Государственная власть переместилась в другую область, область новую, завоеванную мечом той же Москвы. Старина обратилась в воспоминание, прошлое прошло. Оно, кажется мне, м<илостивые> г<осударь>, не прошло, но только видоизменилось. Постараюсь быть беспристрастным в отношении к современному так же, как я был беспристрастным в отношении к прошедшему.

Взгляните на все страны Европы: каждая имеет столицу — одну. Наша русская земля имеет две столицы, признанные государством и жизнью народною. Как ни странен этот факт, но он существует, и следует понять его смысл. Одна столица есть, несомненно, столица государства; что же другая? Скажем ли об ней, что «это только тень великого имени» (*stat magni nominis umbra*²⁾? Нет.

Наши мыслительные соседи, немцы, уже заметили и внесли в науку, как несомненное, деление права на право личное, право общественное и право государственное. Это деление недавно еще более уяснил в его теории и в приложении к праву русскому ученый профессор Московского университета, г. Лешков, заслуживший своим прекрасным трудом одинаковую благодарность юристов и историков³. Деление права соответствует, без сомнения,

делению самих жизненных отправлений, трем областям деятельности: частной, общественной и государственною. Между первой и последнею, т. е. между частною и государственною, лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественною деятельностью. В целом мире сферы деятельности частной одинаковы и одинаково бесцветны: для нее совершенно все равно, какое государство ее охраняет и обеспечивает, только бы охраняло и обеспечивало. Не такова деятельность общественная. Выходя из жизни частной, она выражает все оттенки, все особенности земли и народа и обуславливает государство, делая его таким, а не иным; она дает ему право, она налагает на него обязанность быть самостоятельным, выделиться из других государств. С ее уничтожением, если бы такое уничтожение было возможно, государство теряет всю свою силу; оно падает и не может не падать, потому что уже не имеет причины быть, потому что, как я уже сказал, собственно личная деятельность всегда равнодушна к охраняющему ее государству, лишь бы охраняло ее. Она должна пасть по справедливости, потому что человек, лишенный одного из законных своих наследий, — жизни общественной, — будет естественно примыкать к какому-нибудь другому государству, в котором он свое наследие находит вполне: ибо в своей частной деятельности человек есть лицо только опекаемое или оберегаемое, в жизни же общественной он — зиждитель и в известной мере — деятель и творец исторических судеб. Свято и высоко значение деятельности государственной. Государство, внешнее выражение живого народного творчества, охраняет его от всякого внешнего насилия, от всякого внутреннего временного потрясения, могущего нарушить его законный и правильный ход. Без него область деятельности общественной была бы невозможна; ибо она была бы беззащитною перед напором других народов, вооруженных государственными силами, и невозможною внутри самой себя, потому что, по несовершенству человеческому, она бы постоянно нарушалась всякими личными злыми страстями, требующими принудительной силы для своего укрощения, между тем как сама область общественной деятельности, по своему коренному характеру, есть только область мысли, мира и добровольного согласия. Итак, говорю я, свято и высоко призвание государства, хранящего жизнь общественную и обуславливающего ее возможность. Как живой органический покров охватывает оно ее, укрепляя и защищая от всякой внешней невзгоды, растет с нею, видоизменяясь, расширяясь и прилаживаясь к ее росту и к ее внутренним видоизменениям. Чем более в нем мудрости и знания своих собственных выгод и своего собственного значе-

ния, с тем большею чуткостью слышит оно, с тем большею ясностию видит оно все разнообразие жизни общественной, с тем большей гибкостью прилаживается оно к ее формам и к ее историческому росту, охватывая ее как бы живую броню и постоянно укрепляясь ее живыми силами. Таково отношение государства к жизни общественной, — государства в его нормальном и здоровом развитии. История учит нас, что в болезненных явлениях, предшествующих падению народов, эта деятельность извращается и ищет какого-то развития отдельного, враждебного народной жизни и, следовательно, невозможного. Живой покров обращается в какую-то сухую скорлупу, толстеет и, по-видимому, крепнет от оскудения и засыхания внутреннего живого ядра; но в то же время он действительно засыхает, дряхлеет и, наконец, рассыпается при малейшем ударе. Это какой-то исторический свищ, наполненный прахом сгнившего народа. В других органических формах мы замечаем, что область частной деятельности, рассыпанная в равной мере по всему пространству государства, не требует и не может иметь центра... Область деятельности государственной необходимо требует крепкого сосредоточения, и оно имеет его на Руси. Почтительно скажем мы об нем: «Ему же честь, честь». Наконец, духовная деятельность общества, развиваясь, созидает себе местные центры и потом, для полного своего собора, для полной мысленной беседы, совокупляется в одно живое сосредоточение. Мне кажется, такова Москва, таково ее живое и официально признанное значение. Вот почему сохраняет она свое имя столицы.

Да, м<илостивые> г<осударь>, чем внимательнее всмотримся мы в умственное движение русское и в отношения к нему Москвы, тем более убедимся мы, что именно в ней постоянно совершается серьезный обмен мысли, что в ней созидаются, так сказать, формы общественных направлений. Конечно, и великий художник, и великий мыслитель могут возникнуть и воспитаться в каком угодно углу русской земли; но составиться, созреть, сделаться всеобщим достоянием мысль общественная может только здесь. Русский, чтобы сдуматься, столкнуться с русскими, обращается к Москве. В ней, можно сказать, постоянно нынче вырабатывается завтрашняя мысль русского общества. В этом убедится всякий, кто только проследит ход нашего просвещения. Все убеждения, более или менее охватывавшие жизнь нашу или проникавшие ее, возникали в Москве. Этим объясняются многие явления, которые иначе объяснить не могут: например то, что иногда человек, не оставивший после себя никакого великого труда, никакого памятника своей деятельности, пользовался

славою во всем пространстве нашего отечества и действовал, прямо или косвенно, на строй умов и на убеждения людей, никогда с ним и не встречавшихся в жизни, — или то, что люди, которые сами не трудились на путях словесности, но по своему положению могли здесь содействовать или вредить ее успехам, получали всеобщую известность, тогда как другие, действовавшие на том же поприще, но в иных областях, оставались не известными никому, кроме тех, с которыми они находились в прямых сношениях, — или то, наконец, что иногда человек, ни по занятиям, ни по положению не участвовавший в движении словесности, получал некоторую славу в краях, даже отдаленных от Москвы, что около него здесь собиралась живая и серьезная беседа. Вам все эти примеры известны⁴. Мысль возникает или вырабатывается в Москве и переносится уже в другие русские области; там, если эта мысль односторонняя, она уже, так сказать, донашивается и иногда изнашивается в тряпье и лохмотья, когда она уже давно брошена и забыта у нас. Для убеждения в этом стоит только вспомнить весь ход журналистики русской и все направления, преобладавшие в ней поочередно, и даже имена ее замечательнейших двигателей от самого начала нынешнего столетия. В этой постоянной совещательности, которая составляет характеристику московской умственной жизни, находится и причина постоянной борьбы мнений в московской словесности и необходимого, хотя, может быть, грустного ожесточения, которым эта борьба часто сопровождается, ибо, к несчастью, добро никогда не является без сопровождения зла, истекающего из одного с ним источника. Я сказал, что вся история нашей журналистики и нашей словесности свидетельствует истину моих слов; а в доказательство позвольте вам напомнить, что еще недавно, когда началось великое и благотворное движение умов по важнейшему из общественных вопросов, одна Москва для него создала новые журналы и живым разменом мыслей подвинула его вперед к будущему законному разрешению. Теперь же, когда другое, бесконечно важное нравственное движение возникает в общественной жизни народа (я разумею то, что иные ошибочно называют обществом трезвости, а что можно скорее назвать *согласием общего трезвления*⁵), к Москве же обращаются вопросы о том, какая именно тайна заключается в этом движении и какие проявляется в нем силы и побуждения. Вам, м<илостивые> г<осударь>, это известно уже потому, что такой запрос я имел честь представить вам, запрос, посланный издали писателем, не принадлежащим Москве и не связанным никакими особенными связями ни с нею, ни с нашим Обществом. Так было и так будет всегда.

Те же самые законы проявляются и во всех других европейских странах; но везде общественное сосредоточение совпадает с центром государственным, у нас же нет; или иначе: везде одна столица, у нас две. Толковать о том, что, собственно лучше, едва ли будет разумно. Явления исторические следует принимать таковыми, каковыми они даются историей, уже и потому, что их невозможно переменить; но если я не ошибаюсь, действительно та особенность, которою отличается русская земля от других в этом отношении, едва ли не представляет некоторых преимуществ. Мы знаем (и в этом, конечно, никто спорить не станет), что в развитии органических тел есть всегда доказательство высшей степени организации; а приложение этого закона к общественному факту, об котором я говорю, может быть легко оправдано следующими соображениями. Жизнь государственная есть жизнь по преимуществу практическая, постоянно тревожимая и изменяемая волнением или изменением обстоятельств случайных. Характер ее заключает в себе по необходимости преобладание условности, вещественности и принудительности. Жизнь общественная, напротив, есть жизнь мысли, общественного самовоспитания, свободной совещательности. Резкая очерченность всех форм принадлежит государственности. Общественность избегает всех слишком определенных очертаний. Требование настоящего, современного ежедневно составляет все для государства; область же общественной деятельности почти вся заключается в поступательном движении вперед, в развитии, в стремлении к будущему. Когда две такие разнородные стихии встречаются в одной местности, движутся постоянно, так сказать, бок о бок, — та, которая вещественно сильнее, более практична и прямее связана с интересами настоящего, должна вносить тревогу в стихию менее вещественную и менее определенную. Забота и волнение ежедневных требований, побуждений, страстей, соблазн приложения и практической деятельности возмущает невольно чистоту того мысленного движения, которое должно совершиться в покое и некотором самоуглублении общественного духа. Постоянное и всегдашнее легко уступает увлечениям временного и случайного. Поэтому деятельность общественная едва ли может сохранять свою чистоту, если она совпадает с центром государственным.

Правда, что зато самая тревога и волнения ежедневности дают жизни какую-то видимую живость и веселость, и в этом отношении Москва не может соперничать ни с одной из столиц Европы. Она, м<илостивые> г<осударь>, город невеселый; но эта внешняя веселость столичной жизни не имеет ничего общего с истин-

ною, светлую, внутреннюю веселостию жизни разумной: она, собственно, принадлежит только столицам и никогда не может принадлежать всему народу, всей стране, какой бы то ни было. Москва может обойтись без того, без чего обходится русская земля. Правда и то, что постоянная тревога жизни практической будит мысль и дает ей какую-то особенную бойкость и подвижность; но эти качества редко бывают соединены с серьезною и сильною напряженностию. Зыбь и быстрая перебежка воды происходит на отмелях, а не на глубинах. И у нас, м<илостивые> г<осударь>, нет, без сомнения, в мысли той проворной, суетливой, скачущей деятельности, которая принадлежит многим столицам; но я думаю, что можно сказать об мысли в Москве то самое, что Дант говорит об глазах одного из героических лиц своей поэмы: *Gli occhi nel muover onesti e tardi* (глаза в движении медлительны и честны⁶). Мне нравятся и такие глаза, и такое движение мысли. Наконец, вспомним, что всякая местность имеет свой неизбежно тесный эгоизм; Москва в этом отношении, конечно, не отличается ни от какой другой местности. Пусть же этот эгоизм остается безоружным и безвластным в смиренном, хотя и невольном, равенстве с эгоизмом всякой другой местности в русской земле. Только при этом смирении может быть устранено всякое соперничество и всякая борьба себялюбивых страстей; только при нем может и будет совершаться в столице общественного мышления вполне дружеская, братская, доверчивая беседа всех областей с нею и друг с другом. Мне кажется, что мы должны быть довольны своим уделом и не должны завидовать никакой столице в мире.

Слово, м<илостивые> г<осударь>, есть совершеннейшее орудие мысли и общения между людей. Если мне удалось сколько-нибудь показать значение Москвы, как столицы этого общения для всей земли русской, как места ее общественного сосредоточения, как города ее мысленного собора, понятно будет и то, что в ней должно было возникнуть Общество любителей русского слова. Нам остается стараться, чтобы само Общество было достойно и той многозначительной местности, в которой оно явилось, и того великого дела, которому оно посвящает труды свои.

